

что иное, как контаминацию двух фраз — Пселла и Продолжателя Скилицы. Анна (I, p. 127): ἐπεὶ γὰρ ἄς πάλοι εἶχον οἱ τῶν Δακῶν ἀρχηγέται μετὰ τῶν Ῥωμαίων σπονδὰς τηρεῖν εἰσέτι οὐκ ἤθελον, ἀλλὰ παρασπονδήσαντες διέλυσαν, τοῦτου δὲ δήλου τοῖς Σαυρομάτοις γεγονότος, οἱ πρὸς τῶν πάλοι Μυσοὶ προσηγορεύοντο, οὐδὲ αὐτοὶ τοῖς ἰδίοις ὀρίοις ἐμμένοντες ἤθελον ἡσυχάζειν, νεμόμενοι πρότερον ὅπῃ οὗ Ἰστρος πρὸς τὴν τῶν Ῥωμαίων διορίζει ἡγεμονίαν, ἀλλ' ἀδρόν ἀπαναστάντες πρὸς τὴν ἡμεδαπὴν γῆν μετωκισθῆσαν. Продолжатель Скилицы (II, p. 645): Τῶν Οὐγγρων τὴν πρὸς Ῥωμαίους εἰρήνην διαλυσάντων καὶ τῶν Πατζινακῶν δὲ ἐξερπυσάντων τῶν φωλεῶν οἷς ἐνεκρύβησαν, καὶ τὴν παρακειμένην χώραν σινόντων, τὰ πρὸς τὴν ἐκστρατεῖαν ἐξαρτύσας ὁ βασιλεὺς ἐξεῖσι πασίρρωμος εἰς Τριάδιτζαν. Пселл (II, п. 125): Исаак... πανστρατιᾷ ἐπὶ τοὺς ἐσπερίους χωρεῖ, οὗς Μυσοὺς μεν ὁ πάλοι χρόνος ἀνόμαζεν, εἶτα δὲ εἰς ὃ λέγονται μετανομάσθησαν νεμόμενοι δὲ ὅπῃ οὗ Ἰστρος πρὸς τὴν Ῥωμαίων διορίζει ἡγεμονίαν, ἀδρόν τε ἐπανέστησαν καὶ πρὸς τὴν ἡμεδαπὴν γῆν μετωκισθῆσαν.

Нетрудно заметить, что начало фразы (ἐπεὶ... ἡσυχάζειν) представляет собой переложение первой половины приведенного предложения Продолжателя Скилицы, а вторая часть фразы — почти дословное воспроизведение текста Пселла (начиная с νεμόμενοι). Стремление сопоставить и объединить источники приводит историографа к явной ошибке: рассказывая о походе печенегов Тираха конца 40-х годов, Анна упоминает о венграх [имеется в виду венгерский король Андрей (1046—1061)], нарушивших договор с Византией в 1059 г.²⁹

Если, пересказывая Вриенния, Анна следовала одному источнику, то в данном случае мы обнаруживаем отчетливое стремление историографа к объединению и сопоставлению своих источников. Пересказывая Продолжателя Скилицы, так же как и излагая Вриенния, Анна опускает ряд фактических деталей³⁰, но за этот счет драматизирует свой рассказ³¹.

Из других византийских авторов в тексте «Алексиады» можно заметить небольшие заимствования из «Истории» Феофилакта Симокатты и из «Догматического всеоружия» современника Анны ученого монаха Евфимия Зигавина. Характеризуя Иоанна Таронита (III, p. 88. 5), Анна пользуется теми же выражениями, что и Феофилакт Симокатта при описании квестора императора Тиберия — Иоанна. Возможно, что одинаковые имена героев вызвали у Анны ассоциации с текстом Феофилакта³².

Евфимия Зигавина Анна сама упоминает в своем произведении. По ее словам, Алексей велел Зигавину изложить и опровергнуть богомильскую ересь, после того как был осужден глава ереси Василий (III, p. 223). Это сочинение дошло до наших дней³³, и сравнение его с соответствующими местами «Алексиады» свидетельствует о том, что Анна знала и использовала произведение Евфимия³⁴. Однако, как и в большинстве других случаев, Анна не переписывает свой источник, а пересказывает его образно — риторическими средствами.

²⁹ См. В. Васильевский. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ Так, например, Анна ни словом не упоминает о Селге, единственном из печенегов, осмелившимся на бой с Исааком, и т. д.

³¹ Ср., например, великодушное описание бури (I, p. 128), отсутствующее во всех прочих источниках.

³² См. Theophylacti Simocattae historia, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 39. Заимствование из Феофилакта было отмечено Ф. Дэльгером (BZ, 29, 1929. S. 304).

³³ Оно опубликовано Минем (PG, t. 130).

³⁴ Основываясь на сообщении Зигавина (PG, t. 130, col. 1289—1291), Анна описывает сцену, когда Алексей притворился последователем Василия и хитростью выведаль у ересиарха его учение (III, p. 220). Зависимость Анны от Зигавина подтверждается не только общим сходством описания этой сцены, но и некоторыми лексическими совпадениями.